

Кондратьев С. В. Статья 39 Великой хартии вольностей: интерпретация российских историков А. Н. Савина и П. Г. Виноградова / С. В. Кондратьев // Научный диалог. — 2019. — № 9. — С. 336—348. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-336-348.

Kondratiev, S. V. (2019). Chapter 39 of the Magna Carta in the Interpretation of Russian Historians Alexander N. Savin and Paul G. Vinogradoff. *Nauchnyi dialog*, 9: 336-348. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-336-348. (In Russ.).

УДК 94(410)“1154/1399”:930.23“191/192”

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-336-348

СТАТЬЯ 39 ВЕЛИКОЙ ХАРТИИ ВОЛЬНОСТЕЙ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РОССИЙСКИХ ИСТОРИКОВ А. Н. САВИНА И П. Г. ВИНОГРАДОВА¹

© Кондратьев Сергей Витальевич (2019), orcid.org/0000-0002-9861-5032, доктор исторических наук, профессор кафедры новой истории и мировой политики, Тюменский государственный университет (Тюмень, Россия), sk.tm@mail.ru.

Проводится анализ трактовок 39 статьи Великой хартии вольностей, предложенных двумя выдающимися российскими историками А. Н. Савиным и П. Г. Виноградовым. Показано, что, хотя большое значение в конституционном развитии Англии имела редакция Великой хартии вольностей 1225 года, авторы использовали редакцию 1215 года. Отмечается, что А. Н. Савина интересовали скрытые за словами и формулами 39 статьи социальные реалии: по его мнению, статья отражала интересы баронской оппозиции королевской власти, феодальные лорды под «свободными» подразумевали себя и хотели зафиксировать гарантии от произвола, при этом одним из инструментов защиты прав и привилегий магнатов должен был стать сословный суд — «суд равных», или «суд пэров». Представлено и мнение другого историка, П. Г. Винограда, который сфокусировал свое внимание на адапционных возможностях 39 статьи Великой хартии: термин *свободные*, который в данной статье обозначал баронов, в дальнейшем был перенесен на другие категории населения, включая вилланов; термин *право страны*, обозначающий «обычаи и законы», в дальнейшем стал означать «законность», а дальнейшее толкование «законности» и «права» привело к тому, что прерогатива короля на произвольные аресты все больше и больше воспринималась как исключение, но не правило.

Ключевые слова: Великая хартия вольностей; 39 статья; А. Н. Савин; П. Г. Виноградов; рецепция; адаптация.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 19-011-00581 «Великая хартия вольностей в правовых трактатах, парламентских дебатах и судебной практике предреволюционной Англии».

1. Введение

В российской традиции Великая хартия вольностей (далее — ВХ, Хартия вольностей, хартия) известна преимущественно по переводу Д. М. Петрушевского [Великая хартия ..., 1936, с. 96—117] и по его исследованиям [Петрушевский, 1918; Петрушевский, 1937]. Д. М. Петрушевский использовал текст хартии 1215 года, который появился как результат противостояния короля Иоанна Безземельного и мятежных баронов, епископов и жителей Лондона. Король и магнаты при посредничестве церкви 15 июня 1215 года на лугу Раннимид заключили «мировое соглашение». Условия мира были зафиксированы по латыни на пергаменте и скреплены королевской печатью. Затем королевские клерки изготовили копии соглашения, которые были разосланы то ли по графствам, то ли по епархиям [Carpenter, 2015, p. 10]. В конце июня 1215 года появился перевод хартии на французский — язык завоевавших Англию нормандцев и правящей династии Плантагенетов, владения которых во Франции до фатальных неудач Иоанна, прозванного именно за них «Безземельным», в несколько раз превосходили территорию Англии. На английский язык хартию переведут только в начале XVI века [Thompson, 1948, pp. 147—151]. Текст хартии 1215 года был сплошным и не имел деления на статьи. Именно таким он предстает в четырех дошедших до нас копиях [Carpenter, 2015, pp. 11—12]. В 1216 году хартию впервые назвали *Хартией вольностей*. Сделал это мятежный Джон де Лейси (John de Lacy), граф Линкольн, сдавшийся и присягнувший на верность малолетнему Генриху III [Ibid., p. 4]. В этом же году появляется новая редакция хартии. В 1217 году вместе с еще одной новой редакцией Хартии вольностей издается так называемая *Лесная хартия* (*Carta de foresta*), которая определяет правила поведения в королевских лесах. С этих пор первую стали называть *большой*, или *великой* (*magna*), а вторую, хотя и гораздо реже, *малой* [Ibid., pp. 4—6]. В 1225 году взрослый и начавший править самостоятельно Генрих III издает новую редакцию хартии, которая была почти вдвое короче редакции 1215 года. В ней говорилось, что Хартия вольностей «по доброй воле нашей» навечно дается не только духовным и светским магнатам, но «всем свободным людям нашего королевства» [McKechnie, 1914, p. 498]. В 1234 году король специально разъяснил, что хартия была дарована «большим, малым и всем людям» [Hindley, 2008, p. XXXII]. В 1237 и 1258 годах Генрих III дважды официально подтверждал действенность ВХ. В 1265 году хартию в редакции 1225 года разослали по всем графствам [Ibid., pp. XXXII—XXXIII]. В 1297 году хартию под давлением подданных был вынужден подтвердить Эдуард I. Хартия была подтверждена в редакции 1225 года и внесена в ста-

тутные свитки, превратившись, таким образом, в закон. С этого времени начало формироваться отношение к хартии как законодательному акту, на который опирается английская государственность и право [Ibid., p. 267].

В последующем англичане еще долго воспринимали хартию как многократно подтвержденное пожалование Генриха III и пользовались редакцией 1225 года. В юридических подворьях юристы общего права, читая лекции о VX Генриха III, могли упомянуть скороговоркой о хартии Иоанна Безземельного, как это сделал Уильям Флитвуд в 1558 году [Extract from a Treatise ..., 2015, p. 366]. Но в юридической практике тюдоровские и раннестюартовские юристы ссылались исключительно на хартию Генриха III [Thompson, 1948, p. 167—196]. Только после издания в 1571 году «Хроники Матфея Парижского», в которой повествовалось о баронском мятеже и говорилось о клятве Генриха III «блюсти» хартию Иоанна Безземельного, к хартии 1215 года начинают обращаться антиквари и отдельные юристы [Hindley, 2008, p. 274; Turner, 2003, p. 139]. Она входит в сферу интересов знатоков и любителей истории, но не в повседневные правовые и парламентские практики. Знаменитый собиратель рукописей, основатель Антикварного общества сэра Роберт Коттон (Robert Cotton) владел двумя из четырех сохранившихся оригинальных копий хартии, одну из которых он купил у лондонского портного в 1629 году, собиравшегося изрезать отвердевший от времени пергамент на вставки для одежды [Turner, 2003, pp. 64—67]. Характерно, что Уильям Шекспир в исторической хронике «Король Иоанн» (1591) о Великой хартии вольностей не упоминает вообще [Шекспир, 1958, с. 311—408]. Именно редакцию 1225 года прокомментировал в своем трактате авторитетный правовед, главный судья Англии Эдвард Кок (1642) [Coke, 1797, pp. 1—78], хорошо знавший о хартии короля Иоанна Безземельного [Coke, 1797; Coke 1853]. Иначе говоря, вплоть до начала XVIII века VX Иоанна Безземельного (1215) представляла антикварный, исторический, иногда «курьезный» интерес, тогда как сфера приложения VX Генриха III была несопоставимо шире: она оказывалась в центре политических дискуссий, включенной в юридические, судебные, парламентские, образовательные практики. Хартия 1225 года была поделена на 37 статей, тогда как хартия 1215 будет впервые разбита на 63 статьи только в 1759 году знаменитым правоведом Уильямом Блэкстоном (William Blackstone), который, вероятно, использовал уже существующее деление в «Баронских статьях» (1215) и в хартии Генриха III (1225). В издании У. Блэкстона 29 статья в редакции 1225 года стала 39 статьей в редакции 1215 года [Prest, 2016, pp. 1500—1502]. После публикации У. Блэкстона историки активно использовали хартию Иоанна Безземельного.

По мнению современных исследователей, 39 / 29 статья ВХ, защищающая свободу и собственность подданного от произвола власти, уже в XVI веке стала центральной, и частота обращений к ней в предреволюционное время напоминает «взрыв» [Baker, 2017, pp. 144—215, 249—275].

В дальнейшем к ВХ и ее 39 / 29 статье активно обращались американские колонисты накануне и в ходе Войны за независимость, в конституции отдельных штатов были включены парафразы 39 / 29 статьи, влияние ВХ можно заметить в первых 10 поправках к Конституции США («Билль о правах») [Dickinson, 2018, pp. 84—86, 95, 98]. В Британии XVIII—XIX веков к ВХ как источнику прав и основанию неписанной конституции обращались в спорах о свободе прессы, о необходимости проведения избирательной реформы, об отмене тарифов и улучшении налогов. Однако ее мало читали. ВХ все больше и больше превращалась в «символический документ», «эмблему» славного прошлого и исконных свобод. Именно как символ свободы использовали ВХ британские радикалы и чартисты, выступающие за парламентскую реформу [Lock, 2018, pp. 102—103, 106, 109—110, 113].

Обе редакции статьи имеют несущественные расхождения: 29 статья в редакции 1225 года несколько больше по объему, поскольку она включает поставленную У. Блэкстоном сепаратно 40 статью.

Итак, выделенная в 1759 году из текста ВХ 1215 года 39 статья гласит: *Ни один свободный человек не будет арестован, или заключен в тюрьму, или лишен владения, или объявлен стоящим вне закона, или изгнан, или каким-либо (иным) способом обездолен, и мы не пойдём на него и не пошлём на него иначе, как по законному приговору равных его (его пэров) и по закону страны* (Nullus liber homo capiatur, vel imprisonetur, aut disseisiatur, aut utlagetur, aut exuletur, aut aliquo modo destruatur, nec super eum ibimus, nec super eum mittemus, nisi per legale iudicium parium suorum vel per legem terre) [Великая хартия ..., 1936, с. 106—107].

Если в британской традиции до настоящего времени принято подчеркивать конституционную и политическую важность ВХ 1225 года и культурную и историческую ценность ВХ 1215 года, то в российскую традицию ВХ явилась сразу в полном объеме в редакции 1215 года. Д. М. Петрушевский не проводил сравнений редакций 1215 и 1225 годов, не останавливался на месте ВХ 1225 года в истории Англии XIII—XVII веков и не упоминал о полном забвении ВХ 1215 года в Средние века и раннее Новое время [Петрушевский, 1918; Петрушевский, 1937]. Он фактически просто проигнорировал наличие и востребованность редакции 1225 года в раннее

Новое время и ее важность для политического и конституционного развития Англии. Не упоминают о редакции 1225 года и Александр Николаевич Савин и Павел Гаврилович Виноградов, о трактовках которых пойдет речь. По случаю 700-летия памятника у первого вышла небольшая публикация на русском языке [Савин, 2017, с. 87—90], а у второго — пространная на английском [Vinogradoff, 1917, pp. 78—95]. Интерес двух выдающихся русских историков — А. Н. Савин (1873—1923) был учеником П. Г. Виноградова (1854—1925) — лежал не в конституционной или политической плоскости, а преимущественно в области социальной и экономической истории [Винокурова, 2000, с. 145; Малинов, 2005, с. 44—49], для которой более пространная редакция ВХ 1215 года содержит несопоставимо больше материала, чем редакция 1225 года.

2. А. Н. Савин о 39 статье ВХ

В небольшом очерке А. Н. Савин проводит текстологический анализ 39 ст. ВХ в контексте социальных отношений, сложившихся в монархии Плантагенетов в конце XI — начале XII веков. Саму 39 ст. историк назвал «загадочной». Ее главная загадка, по его мнению, заключается в том, что трудно со всей определенностью установить, что подразумевается в ВХ 1215 года под «судом пэров», или равных (*judicium parium*). Относится ли термин *pares* (*равные*) только к равным подсудимому «совассалам» или под него подпадают все свободные и правоспособные (то есть неограниченные в правах, не являющиеся, как вилланы, зависимыми. — С. К.) люди (*liberi et legales homines*) [Савин, 1917, с. 87]?

Проведя сопоставления текста 39 ст. ВХ с текстами 52, 56 и 59 ст. ВХ, а также с текстами хартии, пожалованной Иоанном Безземельным 9 мая 1215 года, и 29 ст. «Баронских статей» (10 июня 1215), где также встречается *суд равных* (*legale judicium parium suorum*) [McKechnie, 1914, pp. 150—151, 319], А. Н. Савин приходил к обоснованному заключению, что знаменитая 39 ст. ВХ являлась почти дословным повторением пожалования от 9 мая 2015 года и «Баронских статей». Она вышла из них и первоначально имела узкий социальный смысл. Этой статьей феодальные магнаты стремились создать гарантии защиты от имевшего место в прошлом королевского произвола. «Бароны в 39 статье имели в виду, прежде всего и более всего, самих себя и близких к себе людей», но не всех свободных. Во всех трех документах «суд есть королевская курия», а упоминаемые пэры — «суть, по-видимому, совассалы <...> Правильнее придавать в МС 39 (Magna Carta, 39 clause. — С. К.) словам *liber homo* тесный, аристократический смысл, словам “*per judicium parium suorum*” зна-

чение по суду своих совассалов» [Савин, 1917, с. 88—89]. Из гораздо более ранних источников времен Каролингов видно, что «судьи не должны быть ниже подсудимого по своему общественному положению» [Там же, с. 90]. Какая-то конституционная перспектива, по осторожной оговорке ученого, появляется в подтверждении хартии 1217 года, сделанном Генрихом III, где формула *disseisiatur* (лишен владения) была заменена «более общей» формулой *disseisietur de libero tenemento suo* (лишен своего свободного владения) [Там же].

Таким образом, видно, что А. Н. Савин определенно полагал, что ВХ была документом, фиксирующим феодальные отношения, а ее 39 ст. была направлена на защиту феодальных магнатов, которые именуется в ней терминами *свободные* (*liber homo*) и *равные* (*pares*). Исследователь не отказывал 39 ст. в обретении в будущем нового смысла, но и не собирался исследовать ее рецепционную жизнь. За пределами его внимания остался далекий от ясности термин *закон страны*, или *право страны* (*legem terre*).

3. П. Г. Виноградов о 39 статье ВХ

П. Г. Виноградов в отличие от своего ученика уже в первых абзацах очерка показывает, что ВХ обладала огромным адаптационным потенциалом, позволяющим ей, пусть в редуцированном виде, регулировать жизнь Британии в начале XX века. Парламентские дебаты 1915 года по поводу «Закона о защите королевства», когда одни члены парламента в год 700-летнего юбилея ВХ и на втором году Первой мировой войны апеллировали к ней как гаранту индивидуальных прав и суда присяжных, а другие настаивали, что в годы военных действия следует перестать кивать на ВХ и упростить судопроизводство, напомнили историку («курьезно», как он сам подчеркнул) споры между монархией и баронами в 1215 году [Vinogradoff, 1917, p. 78].

П. Г. Виноградов констатирует, что современная ему историография справедливо отвергла точку зрения, изложенную в предреволюционной Англии Эдвардом Коком, о том, что ВХ была конституционной фиксацией незабываемых прав свободных англичан. Он согласен, что ВХ появилась под давлением баронов, которые «руководствовались классовым интересом». Но осознание этих фактов, пишет он, еще больше требует объяснения того, почему средневековый документ, плод эгоизма баронов, занял такое место в «национальной жизни», многократно подтверждался, став «лозунгом английского легализма», и почему после забвения к нему массово стали обращаться в XVII веке [Ibid., 79—80].

Адаптационные возможности ВХ П. Г. Виноградов показывает на примере 39 ст., которую считает находящейся в центре прошлых и настоящих споров. Одних положений, как, например, *nec super eum ibimus, nec super eum mittemus, nisi per legale iudicium parium suorum, vel per legem terrae* (мы не пойдём на него, и не пошлём на него иначе, как по законному приговору равных его (его пэров) и по закону страны), поскольку по ним уже есть конвенция среди историков, он, подчеркивает исследователь, касаться не будет. Ибо ясно, что в XVII веке союз *vel (u)* был подменен английским *or (или)*, что создавало альтернативное первоначальному прочтение [Ibid., p. 80; см. для сравнения источник: Coke, 1797, p. 45]. П. Г. Виноградов не поясняет, но можно предположить, что подмена союза превращала ординарную процедуру судопроизводства по общему праву в альтернативу «суду равных» (пэров) и формула XIII века приобрела к XVII веку иной смысл.

Для характеристики рецепционной жизни хартии он трижды использует термин *замена, подмена (substitution)* [Vinogradoff, 1917, p. 82, 92], имея в виду постепенную замену первоначального «феодального» смысла ВХ более современным [Ibid., p. 95].

К началу Нового времени 39 ст. получила другую интерпретацию. Историк отмечает, что более широкое толкование получили три важных формулы “*liber homo*” (*свободный*) [Ibid., p. 80], *право страны (Lex terrae)* [Ibid., p. 83] и *запрет на произвольное заключение в тюрьму и обездоливание (constitutional widening of the prohibition of arbitrary imprisonment and «destruction»)* [Ibid., p. 93]. По его мнению, все они обладали значительной «эластичностью» [Ibid., p. 85], то есть значительными адаптационными возможностями.

П. Г. Виноградов, как и его ученик А. Н. Савин, пишет, что под *liber homo* магнаты подразумевали себя. Они понимали формулу «узко». Используя фигуру *Nullus liber homo*, бароны не собирались одаривать какими-то правами или гарантиями тех, кто стоял ниже них. Но все последующие подтверждения хартии продолжали ограничивать возможности произвольных арестов и изъятий собственности. Упавший, образно пишет он, в озеро камень 39 ст. производил все более широкие круги на поверхности. Со временем, благодаря в том числе судьям, «взявшим отличный от творцов документа курс», 39 ст. стали экстраполировать на другие категории населения — *свободных держателей, совассаллов, сокменов, свободных (franklins)*, то есть свободных, но не знатных. — С. К.). Понятие «*liber homo*» становилось все более широким. Следовательно, под защиту 39 ст. ВХ начали подпадать стоящие на более низких ступенях социальной

лестницы лица, включая вилланов, поскольку они стали доказывать статус «свободных людей», используя соответствующую юридическую процедуру (*de libertate probanda*). Так, подводит автор промежуточный итог, «феодалное понимание свободы» оказывалось «заменено» (*substitution*) «гражданским» (*civic*), и новая трактовка *liber homo* «прочно вставала на ноги» [Ibid., pp. 81—82].

Важной вехой смысловой трансформации формулы *liber homo* историк считал статут Эдуарда III 1354 года (в тексте ошибочно указан 1350 год. — С. К.), принятый после Черной смерти и массовой гибели населения, статья третьего гласила: *Ни один человек, какого бы разряда илисловия он ни был, не должен в нарушении ВХ быть заключен в тюрьму или лишен своего владения* (*Nul homme de quel estate ou condicion il soit should be imprisoned or disseised in infringement of the Great Charter*). Исключение прилагательного *свободный* придало формуле универсальный характер, позволяя применять ее к представителям других категорий населения [Ibid.], включая, как показывает новейшее исследование, и вилланов [Baker, 2017, p. 33].

Конструкция *право страны*, пишет П. Г. Виноградов, в дальнейшем должна была пониматься как *законность* (*legality*). В некоторых позднейших подтверждениях ВХ *право страны* дополнялось формулой *законное решение* (*legale iudicium*), что одновременно означало и процедуру закона, и сущность закона («It is amplified in some of the confirmations by the expression “legale iudicium,” and both in conjunction would point to legality in procedure as well as in substance» [Vinogradoff, 1917, p. 83]). Уже в XIII веке под конструкцией *право страны* понимались *законы и обычаи королевства*. «Эластичность» конструкции, как и формулы *свободный человек*, позволяла позднее переносить ее значение «с классового правосудия феодальных лордов на общее право растущего государства» [Ibid., p. 85].

Сопоставив «Баронские статьи», ВХ, другие хартии Иоанна Безземельного и буллу папы Иннокентия III (1215), которая запрещала лордам вести борьбу с королем, историк замечает, что бароны хотели бы, чтобы их мог судить исключительно суд высших феодалов (*равных, пэров*), тогда как королевская власть и булла настаивают на королевской курии (*Curia mea, Curia Regis*). Королевская курия, состоявшая как из баронов, то есть вассалов короля, так и из назначенных королем судей, на что не стал обращать внимание А. Н. Савин, постепенно превращалась в Высокий королевский суд, где правосудие осуществлялось королевскими судьями (выносящими судебное решение, приговор) и жюри присяжных (выносящим вердикт), который стал аналогом «суда равных». Особенно широко такое

понимание присутствует у свободных, но не принадлежащих к рангу пэрлов людей [Ibid., pp. 86—93].

Запрет на *произвольное заключение в тюрьму и обездоливание* в 39 ст. ВХ, пишет П. Г. Виноградов, был «эмбрионом», который затем превратился в доктрину Habeas Corpus (что дословно означает «иметь тело», «представить заключенного»). Это «судебный приказ, предписывающий коменданту тюрьмы доставить заключенного, арестованного без предъявления обвинения и объявления причины задержания, в суд для выяснения дела». Доктрина и приказ законодательно оформились в 1679 году, когда парламент принял знаменитый Habeas Corpus Act. — С. К.). Это «правило», продолжает историк, пережило Средние века, «было признано судьями и стало одним из фундаментальных принципов не только пэрского права, но и общего права», его вновь и вновь подтверждали различные парламенты [Ibid., pp. 93—94].

Вместе с тем историк не изменяет принципу историзма и не преувеличивает скорость трансформаций. Рисуя рецепцию ВХ, он не модернизирует исторические реалии. П. Г. Виноградов замечает, что одновременно с запретом на произвольное заключение в тюрьму действовала «доктрина», идущая вразрез с 39 ст., согласно которой король обладал «исключительной» прерогативой действовать, «как суверенный правитель государства», не считаясь с нормами права. Персональные повеления короля часто побуждали судей действовать вопреки закону. Произвольный арест оказывался оправданным, если его осуществляли по личному повелению монарха. Такие повеления касались предварительного (*прелиминарного*) ареста, и лица, исполнившие их, не подлежали наказанию. Но, подчеркивает историк, уже в Средние века стали осознавать, что предварительные аресты «могут создать значительные трудности» и их следует ограничивать [Ibid., p. 95].

По мнению историка, средневековая Англия стала полем борьбы двух упомянутых доктрин: первая требовала расширения королевской прерогативы, вторая настаивала на соблюдении норм права. Королевские судьи, решая проблему, модифицировали королевскую прерогативу в исключительный инструмент, который не должен воздействовать на обычное отправление правосудия [Ibid.].

4. Заключение

Проведенное исследование показывает, что историки русской школы, изучая ВХ, не обращались к редакции Генриха III 1225 года, не замечали то значение, которое эта редакция имела в Англии Средних веков

и раннего Нового времени. Можно утверждать, что 39 ст. ВХ в редакции 1215 года в отечественной традиции подвергалась специальному изучению всего дважды: во время 700-летнего юбилея ВХ это сделали А. Н. Савин и П. Г. Виноградов.

А. Н. Савина интересовала прежде всего скрытые за словами и формулами 39 ст. ВХ социальные реалии. По его мнению, 39 ст. отражала интересы оппозиции баронов королевской власти. Лорды под *свободными* подразумевали себя и хотели создать себе гарантии от произвола. Одним из инструментов защиты прав и привилегий магнатов должен был стать сословный суд — *суд равных*, или *суд пэров*.

П. Г. Виноградов сфокусировал свое внимание на адаптационных возможностях 39 ст. ВХ, которые привлекали к ней новые поколения, позволяли вкладывать в ее формулы иное содержание и использовать их для защиты прав и вольностей уже не одних только баронов, но всех свободных подданных Англии. Термин *свободные*, который в 39 ст. обозначал баронов, в дальнейшем был перенесен на другие категории населения, включая вилланов. Термин *право страны*, обозначающий *обычаи и законы*, в дальнейшем получил «процедурное» дополнение. Он стал означать *законность*, достигнутую при четком исполнении процедур и через установленные институты. И здесь все большее значение приобретали формализованные суды и профессиональные судьи, которые стали играть главную роль и в королевской курии, оттесняя баронов на периферию. Дальнейшее толкование *законности и права* привело к тому, что прерогатива короля на произвольные аресты все больше и больше воспринималась как исключение, но не правило. Из содержащегося в 39 ст. запрета на *произвольные аресты и обездоливание*, полагает П. Г. Виноградов, затем выросла доктрина Habeas Corpus, делавшая невозможными аресты без предъявления обвинения.

К сожалению, оба исследователя совсем отказались от сравнительного анализа 39 ст. ВХ с более поздними подтверждениями и интерпретациями, что позволило бы обозначить герменевтическую хронологию ее рецепционной жизни.

Источники

1. *Великая хартия вольностей (1215)* // Петрушевский Д. М. Памятники истории Англии XI—XIII вв. — Москва : Государственное социально-экономическое издательство, 1936. — С. 96—117.
2. *Савин А. Н.* О тридцать девятой статье Великой Хартии / А. Н. Савин // Исторические известия. — 1917. — № 1—2. — С. 87—90.
3. *Шекспир У.* Король Иоанн / У. Шекспир ; перевод Н. Рыковой // Полное собрание сочинений. — Москва : Искусство, 1958. — Т. 3. — С. 311—408.

4. *Coke E.* First Part of Institutes of Laws of England ; or, A Commentary upon Littleton / E. Coke. — Philadelphia : Robert H. Small, 1853. — Vol. I, Pt. 1. — 162 b.

5. *Coke E.* Second Part of Institutes of Laws of England Containing Exposition of Many Ancient and Other Statutes / E. Coke. — London : Printed for E. and R. Broke, 1797. — 388 p.

6. *Extracts* from a Treatise on Magna Carta (c. 1558) // Selected Readings and Commentaries on Magna Carta 1400—1604 / J. Baker (ed.). — London : Selden Society, 2015. — Vol. 132. — Pp. 366—392.

7. *Vinogradoff P.* Magna Carta / P. Vinogradoff // Magna Carta Commemoration Essays / Ed. by H. E. Malden. — London : For Royal Historical Society, 1917. — Pp. 78—95.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Винокурова М. В.* А. Н. Савин / М. В. Винокурова // Портреты историков : время и судьбы / ответственный редактор Г. Н. Севостьянов. — Москва ; Иерусалим : Университетская книга, Gesharim, 2000. — Т. 2. — С. 143—154.

2. *Малинов А. В.* Павел Гаврилович Виноградов : социально-историческая и методологическая концепция / А. В. Малинов. — Санкт-Петербург : Издательство «Нестор», 2005. — 216 с.

3. *Петрушевский Д. М.* Великая хартия вольностей и конституционная борьба в английском обществе во второй половине XIII века / Д. М. Петрушевский. — Москва : Издание М. и С. Сабашниковых, 1918. — 176 с.

4. *Петрушевский Д. М.* Очерки из истории английского государства и общества в средние века / Д. М. Петрушевский. — Москва : Государственное Социально-Экономическое издательство, 1937. — 232 с.

5. *Baker J.* Reinvention of Magna Carta 1216—1616. — Cambridge : Cambridge University Press, 2017. — 570 p.

6. *Carpenter D.* Magna Carta With a New Commentary / D. Carpenter. — London : Penguin Publishing Group, 2015. — 592 p.

7. *Dickinson H. T.* Magna Carta in the American Revolution / H. T. Dickinson // Magna Carta : History, Context and Influence / Lawrence Goldman (ed). — London : University of London, School of Advanced Studies, Institute of Historical Research, 2018. — Pp. 79—100.

8. *Hindley G.* Magna Carta. Story of Origins of Liberty / G. Hindley. — Philadelphia : Robinson Running Press, 2008. — 234 p.

9. *Lock A.* Reform, radicalism and revolution : Magna Carta in eighteenth- and nineteenth-century Britain / A. Lock // Magna Carta : History, Context and Influence / Lawrence Goldman (ed). — London : University of London, School of Advanced Studies, Institute of Historical Research, 2018. — P. 101—116.

10. *McKechnie W. S.* Magna Carta. Commentary of Great Charter of King John / W. S. McKechnie. — Glasgow : James MacClehose and Sons, 1914. — 530 p.

11. *Prest W.* Blackstone's Magna Carta / W. Prest // North California Law Review. — 2016. — Vol. 94, № 5. — Pp. 1495—1519.

12. *Thompson F.* Magna Carta : Its Role in the Making of the English constitution 1300—1629 / F. Thompson. — Minneapolis : University of Minnesota Press, 1948. — 410 p.

13. *Turner R. V.* Magna Carta Through Ages / R. V. Turner. — London : Longman, 2003. — 256 p.

CHAPTER 39 OF THE MAGNA CARTA IN THE INTERPRETATION OF RUSSIAN HISTORIANS ALEXANDER N. SAVIN AND PAUL G. VINOGRADOFF¹

© **Sergey V. Kondratiev (2019)**, orcid.org/0000-0002-9861-5032, Doctor of History, Professor, Department of Modern History and World Policy, Tyumen State University, sk.tm@mail.ru.

The analysis of interpretations of chapter 39 of the Magna Carta proposed by two prominent Russian historians A. N. Savin and P. G. Vinogradov is carried out. It is shown that, although the editors of the Magna Carta of 1225 were of great importance in the constitutional development of England, the authors used the edition of 1215. It is noted that A. N. Savin was interested in the social realities hidden behind the words and formulas of chapter 39: in his opinion, the article reflected the interests of the baronial opposition of the royal power, the feudal lords under "free" meant themselves and wanted to fix guarantees against arbitrariness, while one of instruments to protect the rights and privileges of tycoons was to become a class court - the "court of equals", or "the court of peers". The opinion of another historian, P. G. Vinograd, who focused on the adaptive capabilities of chapter 39 of the Magna Charter, is presented: the term *free*, which in this article refers to barons, was later transferred to other categories of the population, including the Villans; the term *country law*, which means "customs and laws", later came to mean "legality, and the further interpretation of "legality" and "law" led to the king's prerogative of arbitrary arrests being more and more perceived as an exception, but not a rule.

Key words: Magna Carta; chapter 39; Alexander N. Savin; Paul G. Vinogradoff; reception; adaptation.

MATERIAL RESOURCES

- Coke, E. (1797). *Second Part of Institutes of Laws of England Containing Exposition of Many Ancient and Other Statutes*. London: Printed for E. and R. Broke.
- Coke, E. (1853). *First Part of Institutes of Laws of England; or, A Commentary upon Littleton, I (1)*. Philadelphia: Robert H. Small.
- Extracts from a Treatise on Magna Carta (c. 1558). (2015). In: Baker, J. (ed.). *Selected Readings and Commentaries on Magna Carta 1400—1604, 132*. London: Selden Society. 366—392.
- Savin, A. N. (1917). O tridsat devyatoy state Velikoy Khartii. *Istoricheskiye izvestiya, 1—2*: 87—90. (In Russ.).
- Shekspir, U. (1958). Korol Ioann. In: *Polnoye sobraniye sochineniy, 3*. Moskva: Iskusstvo. 311—408. (In Russ.).
- Velikaya khartiya volnostey (1215). (1936). In: Petrushevskiy, D. M. *Pamyatniki istorii Anglii XI—XIII vv*. Moskva: Gosudarstvennoye sotsialno-ekonomicheskoye izdatelstvo. 96—117. (In Russ.).
- Vinogradoff, P. (1917). Magna Carta, C. 39. In: Malden, H. E. (ed.). *Magna Carta Commemoration Essays*. London: For Royal Historical Society. 78—95.

REFERENCES

- Baker, J. (2017). *Reinvention of Magna Carta 1216—1616*. Cambridge: Cambridge University Press.

¹ This article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research in the framework of project No. 19-011-00581 "Magna Carta in legal treatises, parliamentary debates and judicial practice of pre-revolutionary England."

- Carpenter, D. (2015). *Magna Carta With a New Commentary*. London: Penguin Publishing Group.
- Dickinson, H. T. (2018). Magna Carta in the American Revolution. In: Goldman, L. (ed). *Magna Carta: History, Context and Influence*. London: University of London, School of Advanced Studies, Institute of Historical Research. 79—100.
- Hindley, G. (2008). *Magna Carta. Story of Origins of Liberty*. Philadelphia: Robinson Running Press.
- Lock, A. (2018). Reform, radicalism and revolution: Magna Carta in eighteenth- and nineteenth-century Britain. In: Goldman, L. (ed). *Magna Carta: History, Context and Influence*. London: University of London, School of Advanced Studies, Institute of Historical Research. 101—116.
- Malinov, A. V. (2005). *Pavel Gavrilovich Vinogradov: cotsialno-istoricheskaya i metodologicheskaya kontseptsiya*. Sankt-Peterburg: Izdatelstvo «Nestor». (In Russ.).
- McKechnie, W. S. (1914). *Magna Carta. Commentary of Great Charter of King John*. Glasgow: James MacLehose and Sons.
- Petrushevskiy, D. M. (1918). *Velikaya khartiya volnostey i konstitutsionnaya borba v angliyskom obshchestve vo vtoroy polovine XIII veka*. Moskva: Izdaniye M. i S. Sashnikovoykh. (In Russ.).
- Petrushevskiy, D. M. (1937). *Ocherki iz istorii angliyskogo gosudarstva i obshchestva v sredniye veka*. Moskva: Gosudarstvennoye Sotsialno-Ekonomicheskoye izdatelstvo. (In Russ.).
- Prest, W. (2016). Blackstone's Magna Carta. *North California Law Review*, 94 (5). 1495—1519.
- Thompson, F. (1948). *Magna Carta: Its Role in the Making of the English constitution 1300–1629*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Turner, R. V. (2003). *Magna Carta Through Ages*. London: Longman.
- Vinokurova, M. V. (2000). A. N. Savin. In: *Portrety istorikov: Vremya i sudby*, 2. Moskva; Ierusalim: Universitetskaya kniga, Gesharim. 143—154. (In Russ.).